

- У меня мало времени, милый .

Илья прогуливался по многолюдным улицам центра Фуюки со всей грацией и самообладанием иностранного сановника. В обычное время такой защищенный человек, как она, был бы в ужасе от присутствия такого количества незнакомцев, но ее заслоняла черная фигура — блондинка, одетая в черное готическое платье. Любой, кто встречался взглядом с ее опекуном, получал такой яростный хмурый взгляд, что меньшие люди бежали.

Его заявление прервал стук в тяжелую дубовую дверь. — Мне нужно тебе кое-что сказать .

С детским удивлением она наблюдала за различными магазинными талисманами, торгующими товарами из уличных магазинов, и восхищалась запахами еды, продаваемой близлежащими уличными торговцами. Она хотела попробовать все это.

«Айнцберны. Они тебе лгут » .

Илья повернулась к своей Слуге: «Как ты думаешь, что нам следует посетить в первую очередь, Сэйбер?»

Хмурый взгляд черного рыцаря повернулся к Илье: «У нас нет денег, кроме тех грошей, которые вы загипнотизировали, чтобы дать вам этот служащий. У нас есть более важные задачи». Илья нахмурилась в ответ, по-детски высунув язык.

"Ну, мы никогда не познаем мир с таким отношением..."

« Я не убивал твою мать. Это сделал Святой Грааль. И он убивает и меня » .

«Мы здесь не для того, чтобы «испытывать мир», — отрезала Сэйбер, — мы здесь, чтобы выиграть войну. И уничтожить Грааль».

Илья надулась, увидев каменное выражение лица своего Слуги: «Нет причин, по которым мы не можем сделать и то, и другое».

« Это зло, проклятие. Я должен был выиграть его для Айнцбернов, но вместо этого мне пришлось его уничтожить. Теперь это убивает меня » .

Бездомный, прислонившись к стене, протянул им чашку. Ни тот, ни другой не признали его.

После нескольких секунд угрюмой тишины Илья, наконец, снова взглянул на молчаливую Сэйбер: «Ну, что ты хочешь , чтобы мы тогда сделали?» — спросила она.

«Безопасные помещения», — последовал незамедлительный ответ.

«Айнцберны ненавидят меня за это. Они хотят настроить вас против меня и заставить сражаться в следующей войне».

Словно по сигналу, животы Илли и Сэйбер синхронно заурчали. Возможно, гостиница, ванна и немного еды были бы хорошей идеей.

— Хорошо, — предложил Илья, — а что ты предлагаешь?

Глаза Сэйбер просканировали нависающие знаки, прежде чем остановились на одном из них.

«Мне нужно дать тебе кое-что». С другой стороны зарешеченной двери доносятся крики: «Возьми барана!» можно было услышать.

— Вот, — указал Сэйбер, — отель «Рояль».

После приступа гипноза на довольно растерянной секретарше Илья отдыхал на большой кровати. Это был долгий день, и она начала дремать.

Ее отец протянул руки, и в его руках медленно появились великолепные ножны. Возможно, это была самая красивая вещь, которую Илья когда-либо видел. Кирицугу прижала тупой наконечник к своей груди, и она была поражена, увидев, как он дематериализовался в золотые частицы, которые текли в ее грудь. Тепло наполнило все ее тело.

— Никогда не отпускай этого, понимаешь? — серьезно сказал ее отец. «Никогда не позволяй им забрать это у тебя». Илья могла только кивнуть в ответ на резкий тон отца.

Лицо Кирицугу смягчилось, и он казался самым старым человеком, которого Илья видел в тот момент.

Он притянул ее к себе и поцеловал в голову: «Не позволяй им превратить тебя в оружие. Не позволяй им наполнить тебя ненавистью».

Дверь взорвалась внутрь, и внутрь ворвалась группа горничных с алебардами, а за ними несколько других членов клана, выкрикивающих приказы. Отец не сопротивлялся ни когда его били, ни когда вытаскивали из комнаты. Вместо этого он посмотрел прямо на нее, его лоб кровоточил, а глаза почернели.

«И самое главное, никогда не забывай, что я люблю тебя».

Илья вскочил в постели. Пока она собиралась с мыслями, Сэйбер вернулась из ванной с полотенцем, обернутым вокруг тела.

«Ах, хорошо. Вы проснулись. Теперь, когда жилье было организовано, наш следующий приоритет — пропитание. В конце концов, голод — это враг».

Желудок ее Слуги выбрал этот момент, чтобы издать звук, похожий на сердитый медведь. Илья улыбнулся.

"Конечно."

Кирей Котомине с детским любопытством рассматривал недавно приобретенный набор командных печатей. Большинству мужчин то, что он сделал, было бы противно, но Кирей всегда видел вещи иначе, чем другие люди, в основном в том, что он видел других людей как вещи.

Всю жизнь немолодого священника мучила ужасная... амбивалентность. Это началось, когда он был молод; его отец, палач, воспитывал Кирея как мог и очень любил его. Проблема Кирея заключалась в том, что он никогда не понимал, что имел в виду его отец, когда называл что-то «красивым».

Потом, однажды утром, он проснулся и сразу понял: отец хотел, чтобы он был красивым. Это было так просто, но Кирей не понимал, что такое красота.

Он вдруг понял это — он не был красив. Что бы это ни было, это был не он. Он был ее антитезой. Не красиво. Не чистый.

Сломанный.

Поэтому он изо всех сил старался быть чистым и красивым для своего отца. Однако, что бы он ни пытался, этого всегда было недостаточно. Он прибегал к более экстремальным методам, сдирая с себя кожу, сдирая плоть, вывихивая кости.

Ничего такого.

Единственное удовольствие, которое он мог испытывать, исходило от чужой боли, но он не мог позволить себе потворствовать этому. Он не мог сдаться. Если физическая боль не вылечит его, решил он, то вылечит душевная боль.

Он подвергал себя лечению, наркотикам, терапии, промыванию мозгов. Он постился в пустынях и медитировал в храмах. Единственное великое озарение, с которым он столкнулся, заключалось в том, что он просто не мог чувствовать счастья нормальных людей.

Религия, он попытался следующим. Если боль не излечит его, может быть, он найдет спасение у Всевышнего. Он с рвением бросился к задаче стать великим священником, как и его отец. Он придерживался церковных правил, следовал закону и жил скромно, но безрезультатно. Церковь запрещает аморальность, но он снова пришел к выводу, что его удовольствие может быть получено только от аморальности.

Поэтому он проклял Бога за то, что он сделал его таким, какой он есть, и это вызвало следующий великий вопрос, который мучил его: почему? Зло было антитезой вселенной, так почему же в нее было привнесено что-то вроде него? Что-то, что могло получать удовольствие, только будучи ненавидимым. Почему его существование было преступлением? И за что его наказали?

Проповедь у него не получалась, поэтому вместо этого он проучился еще два года в школе, пропустил еще два и записался душеприказчиком церкви. К сожалению, это доставляло немногим больше удовольствия, чем проповедь.

В качестве последнего предложения он искал самое простое и в то же время самое могущественное из многих человеческих потворств: любовь.

Женщина, которую он выбрал, была неизлечимо больна, и ей оставалось жить всего несколько лет. По сей день он все еще не уверен, выбрал ли он ее из-за этого или потому, что она была единственной, кто мог любить кого-то вроде него в ответ.

И она это сделала. И он ответил на эту услугу, изо всех сил стараясь любить ее.

Они даже родили вместе ребенка: девочку по имени Карен. Но чем ближе к ним подходил Кирей, тем больше он понимал, что единственное счастье, которое он получал от отношений, было связано со страданиями его жены или отчаянием его дочери.

Чем больше он пытался любить их, тем больше он любил их боль. Клаудия пыталась научить его, что значит любить, пыталась вылечить его. Для нее он был святым. Она была верна ему и глубоко понимала его скрытую злость на его существование. Она сделала все возможное, чтобы заполнить пустоту в его душе.

Но безрезультатно.

В конце концов, Кирей просто решил, что его существование было какой-то ошибкой, и что лучше всего исчезнуть. Из чувства долга перед женой он пошел к ней попрощаться.

«Я не мог любить тебя», — были его последние слова ей.

Лежа на смертном одре, маленькая, но кожа да кости, она посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась: «Нет, ты меня любишь». Затем она вытащила капельницу. Она надеялась, что,

увидев ее смерть, он, наконец, прозреет, заставит его почувствовать грусть, и с сопутствующей потерей он поймет любовь. Она почувствовала успех, когда увидела, как слезы катятся из его глаз, и умерла с миром.

Но Кирей не чувствовал печали по поводу ее смерти. Он ничего не чувствовал к ней. Он плакал, потеряв шанс убить ее сам и получить хоть маленькое удовольствие от этого действия.

Кирей молча существовал в комнате и вообще перестал искать спасения. Он никогда не найдет его. Карен передали родственникам жены. Он не мог поднять ее, не тогда, когда он видел малейшие намеки на то, что она разделяла его искаженное восприятие.

Он долго думал о самоубийстве.

Однако в конце концов жизнь победила, и вместо этого он присоединился к Ордену Восьмого Таинства, наконец исполнив наследие своего отца. Три дня спустя он обнаружил на своей руке набор командных печатей.

В последующих событиях Кирей столкнулся с первым человеком, которого он понял: Кирицугу Эмия. Он обладал такой же пустотой, как и Кирей. Он чувствовал это.

Он преследовал Эмию с лихорадочной интенсивностью, зайдя так далеко, что использовал командную печать, чтобы его Слуга не убил его. Он хотел встретиться с этим человеком, поговорить с кем-то, кто действительно понимает.

Но потом Эмия предал его. Он думал, что Эмия был похож на него, понимал, но это не так. Было одно ключевое отличие: Эмия любил свою семью. Дружба Кирея иссякла и сменилась глубокой ненавистью и завистью. У Кирицугу было то, чего никогда не было у Кирея.

Итак, Кирей взял это у него.

Он украл жену этого человека и использовал ее, чтобы призвать Черный Грааль во всей его проклятой красе. Эти двое сражались в канализации под Фуюки, и в ходе боя одна из пуль Кирицугу наконец попала ему в сердце. Но Граалю это не понравилось. Это испорченные воды узнали одного из своих и вернули его с новым, черным, искусственным сердцем.

Выползая из-под обломков, он выбрался на поверхность и увидел Огонь Фуюки. Освещенный горящим городом и воспеваемый криками умирающих, он не мог не рассмеяться.

Он смотрел в бездну своей души, она смотрела в ответ, и он смеялся.

...

...

...

Медленный стук в переднюю дверь церкви прервал его осмотр недавно приобретенных командных печатей. Он посмотрел на часы, чтобы подтвердить свои подозрения: для одного из его прихожан было уже слишком поздно. Когда он надел свой ризарий и золотой священный символ, он также сунул под одежду черный ключ.

Он подошел к двери с осторожностью, опасаясь ровного деревянного стука в дверь. Набор командных печатей на его руке напомнил ему, что он всегда может позвать Лансера, чтобы тот защитил его в случае необходимости, но он не хотел отзывать своего нового Слугу из-за чего-то несущественного.

Стук становился все более нетерпеливым, прежде чем голос, наконец, воскликнул: «О, клянусь забытой четвертой магией, открой, старик! Не знаю, слышал ли ты, но идет война!»

Все опасения исчезли из тела Кирея. Одной рукой он распахнул дверь, его лицо исказила сардоническая гримаса.

— Тебе когда-нибудь приходило в голову, дитя мое, что даже святые люди должны спать? — спросил он, подняв бровь. Гарри, одетый в брюки и толстое бежевое пальто, лишь усмехнулся, прежде чем пройти мимо.

«Спит? Приятно видеть, что ты дремлешь в полдень, чтобы не отставать от нас, молодых людей, отец. Играть в соответствии с возрастом — важная часть принятия этого».

Пожилой священник посмотрел на Гарри сверху вниз, прежде чем поднять еще одну бровь: «Говорит тот, что с тростью».

Кирей не мог сдержать свои губы, когда они дернулись в легкой улыбке — искренней, в отличие от того факсимиле, которое он изобразил для этой вредительницы Базетт. На протяжении своей жизни он встречал многих людей, от самых святых людей церкви до самых мерзких из Мёртвых Апостолов, но Гарри был одним из немногих, кого он встречал, кроме Гильгамеша, кто ему действительно нравился .

Как человека, воспитанного этим червем Зокемом, неудивительно, что он разделял такую же надломленность, как и Кирей. Однако ключевое отличие, которое заинтриговало Кирея, заключалось в том, что искажение Гарри было искусственным . Как и та девочка Сакура, они не родились сломленными детьми, какими они были, они были сделаны такими холодным, систематическим детством пыток.

Он распознал это в двух детях с раннего возраста, еще когда они учились в начальной

школе. Ён Рин поддерживала с ними полублизкую дружбу, и они были представлены через неё.

Ему было легко увидеть пустоту в них.

С того дня он внимательно следил за ними, как антрополог изучает зарождающееся племя. Сами по себе они были всего лишь двумя сломленными детьми, обреченными следовать по пути его или Кирицугу, но вместе... вместе они использовали друг друга в качестве якорных механизмов. Они держали друг друга в здравом уме.

Увлекательно смотреть, правда.

Вопреки самому себе, наблюдая за тем, как они растут, Кирей почувствовал себя несколько... защищающим двоих детей. Наблюдая за ними и следя за тем, чтобы Зокен не зашел слишком далеко, он получил первое удовлетворение, которое он когда-либо чувствовал, не связанное с причинением страданий.

Что его бесконечно расстраивало, так это то, что он не мог понять, почему . Он встречал таких же, как он сам, людей вроде Кирицугу или даже самого Зокена, но возненавидел первых и всегда презирал вторых.

Поэтому он держал двоих детей как можно ближе, не вызывая подозрений.

Часть его хотела просто бросить пару в подвал, как и остальных, чтобы они не нарушили внутренний покой, который он обрел, глядя на огонь Фуюки, но что-то удержало его руку.

Что -то в них резонировало с ним, и он позаботится о том, чтобы они выжили, пока не узнает, что это было.

Кирей захлопнул за собой дверь, когда Гарри небрежно сел на одну из многочисленных скамеек.

"Чай?" — предложил Котомине. Гильгамеш, возможно, иногда пил его вне дома и дома, но он никогда не притрагивался к своим запасам чая. Гарри вежливо покачал головой.

— Нет, я не останусь так надолго. Прикурить есть?

Священник взглянул на сигарету, которую Гарри достал из-под пальто, и неодобрительно нахмурился. «А разве кто-то из твоего телосложения должен курить? И что об этом думает юная Сакура?»

Гарри посмотрел в ответ: «Как я понимаю, у меня очень мало нисходящего потенциала. Мне

бы повезло , если бы рак стал тем, что в конце концов убило бы меня — и то, о чем Сакура не знает, не причинит ей вреда. Теперь у тебя есть свет». или нет?"

Нахмурившись, взгляд Кирея оставался неподвижным. «Это дом Божий».

Закатив глаза, Гарри засунул сигарету между губ и щелкнул пальцами. Между ними появилось маленькое пламя, которое он использовал, чтобы зажечь его. Сладкий и резкий запах пряного табака наполнил воздух, когда Гарри выпустил клуб дыма. Через секунду он уже кашлял в маленький носовой платок, который достал из кармана. Когда он вытащил его, он был красным от крови.

"Кстати, где она? Сакура, то есть. Я редко вижу тебя без нее где-нибудь на расстоянии вытянутой руки".

Гарри неохотно уронил сигарету на каменный пол церкви, поморщившись, и затушил ее каблуком ботинка. — Вернулся в поместье. Строго говоря, я все еще должен быть на постельном режиме. Она не знает, что я сбежал.

«Что подводит нас к сути дела, — усмехнулся Кирей, — как бы меня ни забавляла мысль о том, что ты разозлишь своего возлюбленного из-за перекура, и моя восхитительная компания, я полагаю, у тебя есть более важные темы для обсуждения».

— Необычно прямолинейно с твоей стороны, старик, — с улыбкой заметил Гарри, — я здесь, чтобы зарегистрировать Синдзи в качестве доверенного лица Мато в Войне Святого Грааля. Слуга Берсеркер.

Кирей поднял бровь: «Синдзи? Прокси-мастер? Хочу ли я вообще спросить?»

«Призыв оказался немного более... напряженным, чем ожидалось, — честно признался Гарри, — поэтому я передал Берсеркера Синдзи, пока не смогу вести его в поле».

«И ты доверяешь мне эту информацию? Ты в курсе, что юная Рин тоже участвует в этом соревновании, да? И что я ее опекун?»

Вместо того, чтобы отпрянуть от слабой угрозы, Гарри улыбнулся еще шире: — Доверие? Мне нравится думать, что наши отношения построены на взаимном доверии. ваш шкаф. Или это дети в вашем подвале? Я никогда не могу вспомнить ".

Безмолвие царило какое-то напряженное мгновение, прежде чем Кирей улыбнулся, как будто его ученик прошел испытание. — Я рад, что у нас есть понимание.

Гарри снова улыбнулся, но улыбка дрогнула, когда он посмотрел на часы и неуверенно вскочил на ноги с бормотанием проклятий, балансируя на своей трости.

«Как бы прекрасно это ни было, я опоздаю домой. Скажи Рин, что я спрашивал о ней, хорошо?»

"Естественно. Если бы события не противоречили этому, я бы посоветовал тебе нанести ей визит"

Когда Гарри с лязгом направился к двери, Кирей еще раз позвал его вдогонку: «О да, дитя мое, еще одно».

Изогнув бровь, молодой маг повернулся к своему наставнику.

«Удачи, — честно сказал он, — как модератору мне не разрешено делать ставки, но если бы я мог, мои деньги были бы на вас».

Конечно, Кирей не был азартным игроком. Ставя ставки, он старался изменить их в свою пользу.

<http://tl.rulate.ru/book/81126/2500240>